

АРГЕНТУС

Они переехали в середине августа. Я видел с балкона, как грузчики таскают их вещи. Матрасы, стулья, коробки, ящики, сумки. Что-то бесформенное в чехлах.

Юрец был в кепке. Он стоял и смотрел — но не на вещи, а вверх. На небо. На крыши. На кроны деревьев. На облака. На меня. В руках он держал коробку, обернутую в фольгу. В ней отражалось солнце — так ярко, что у меня закололо в глазах. Я помню, как вглядывался с балкона в это сияние и думал: там что-то очень важное, в той коробке. Поэтому он так сжимает ее в руках. Подошла его мать, хотела забрать коробку, но он не отдал. Потом она что-то сказала грузчику, и тот поставил один из стульев рядом с Юрцом. Тогда я еще не знал, как его зовут. Она положила руку Юрцу на плечо, и он сел — осторожно и медленно, будто боялся, что стул развалится.

Так он сидел — на стуле, посреди улицы, с сияющей коробкой на коленях. Тогда я еще не знал, откуда он прибыл. Солнце ушло, его коробка потускнела, заморосил дождь, и мне опять стало скучно. До школы оставались еще две недели, лишённые всякого смысла: я уже вернулся в Москву, море кончилось, солнце кончилось, а каникулы продолжались. Я считал дни до первого сентября — пустые, серые, длинные, как пробелы на клавиатуре компьютера. Мне было семь лет, и я собирался идти в первый класс. До этого я, правда, ходил в нулевку в эту же школу. И все же от первого класса я ждал чего-то особенного.

Они поселились в нашем подъезде, в квартире напротив. Спустя пару дней наши матери познакомились. Скорее всего, они вместе курили на лестнице. Моя тогда еще верила, что я не знаю, что она курит. Каждый раз, отправляясь на лестницу, она придумывала какие-нибудь «дела». Она закончила курсы психологов и почему-то считала, что, если я узнаю, что она курит, у меня будет травма. Но, сколько я себя помню, я всегда это знал, и мне было все равно. Если что-то меня и бесило, так это ее вранье. Не только про сигареты. Про отца тоже. Наверное, ее научили на курсах психологов. Она говорила — да и сейчас иногда говорит, — что он меня любит, просто живет не с нами. Вранье. Он плевать на меня хотел.

А вот тетя Лена, мама Юрца, никогда ему не вралла. Когда она шла курить, всегда так и говорила: «Пойду курну» — я сам слышал, когда стал бывать у них дома. Что же касается юрцовского отца — его просто не было. Вообще не существовало. Так мне сказал Юрец. «Там, где я раньше жил, самцы не участвуют в размножении. Но это тайна. Не рассказывай никому». Еще он сказал, что и матери у него, в сущности, нет. Что тетя Лена — не биологическая мать, а приемная, но это, во-первых, тоже тайна, и они вместе ее от всех скрывают, а во-вторых, она ему все равно как родная, поэтому разницы нет. Эти и некоторые другие тайны он вывалил на меня в первый же день, но все они меркли по сравнению с самой главной.

Тот день, когда я познакомился с Юрцом, начинался как самый обычный серый пробел. Я тихо да-

вился шоколадными хлопьями, которые мне давно разонравились, но матери я об этом не говорил, потому что, во-первых, решил тренировать в себе силу воли, а во-вторых, подозревал, что хлопья других сортов еще хуже. Она спросила, хочу ли я пойти в гости к новым соседям, у которых мальчик моего возраста. Мне было скучно, у меня за щекой лежала лепешка из пережеванных хлопьев, я вспомнил, как блестела его коробка, и я сказал, что хочу.

— Тогда пойдем вечером. Но я должна тебя готовить. — Ее голос звучал так торжественно, будто речь шла не о визите к соседям по лестничной клетке, а о тяжелом, но героическом испытании вроде прыжка с парашютом или просовывания головы в пасть льву. — Андрюша. Дело в том, что этот мальчик особенный. Не такой, как все. Не такой, как ты или я. Понимаешь?

Она взглянула на меня своим специальным проникновенно-психологическим взглядом, и я сказал, что понимаю, хотя ничего не понял. И все же в каком-то смысле она действительно меня подготовила. К той первой встрече с Юрцом.

...Я взял с собой радиоуправляемый автомобиль — почти что новый, с каким не просто не стыдно явиться в дом к мальчику моего возраста, но и вполне логично рассчитывать на определенное уважение. Еще я взял крео-трансформера, который сам по себе не мог произвести такого уж впечатления, но как дополнение к радиоавтомобилю должен был смотреться достойно; к тому же работа я тайне любил куда больше, чем автомобиль, в конце концов, я сам его сделал...

Когда мы вошли, моя мама протянула тете Лене корбку печенья, тетя Лена сказала, что можно не разуваться, а потом стала звать Юрца. Он вышел из своей комнаты не сразу, и вид у него был такой, будто его отвлекли от важных и увлекательных дел. Он подошел ко мне очень медленно, на ходу словно бы размышляя, а стоит ли вообще приближаться, и несколько секунд молчаливо и совершенно беззастенчиво меня изучал. Его глаза были странными, немного раскосыми, но странность была в другом. Они казались какими-то опрокинутыми — как будто у человека, стоящего вверх ногами. Потом, по-прежнему не отводя взгляд, он протянул мне пятерню. В моей левой руке был автомобиль, в правой — робот, так что мне пришлось положить робота на пол, чтобы ответить на это дурацкое приветствие. Мне нравилось, когда со мной здоровались за руку взрослые, но рукопожатие с мальчиком моего возраста?.. Противоестественно. Его пальцы были теплые и липкие, как куски размятого пластилина. Мне стало противно, и я отнял руку. Юрец ухмыльнулся. И сказал: «Я покажу, где у нас раковина».

Он отвел меня в ванную, смотрел, как я мою руки, и ухмылялся. Потом пригласил к себе в комнату. Он ходил очень медленно и как-то немного криво, словно передвигался по дну реки, преодолевая течение и сопротивление воды.

Ни мой автомобиль, ни мой крео-трансформер не произвели на него ни малейшего впечатления. Он сказал, что это все «детский сад». У него самого, как оказалось, была целая куча трансформеров, а также

имелся радиоуправляемый вертолет. Он разрешил мне его посмотреть, мимоходом сообщив, что «такие вещи его в последнее время мало интересуют». Это было унижительно.

— Какие же вещи тебя в последнее время интересуют? — Я постарался вложить в вопрос как можно больше иронии, но прозвучало скорее сварливо.

— Биоинженерия, — заявил он.

Это было еще унижительнее. Потому что я вообще не знал, что это такое.

Потом в комнату зашла его мать и сказала быстро и очень тихо, так что я сначала подумал, что мне слышалось. Она сказала:

— Юра. Пора дышать, — и кивком позвала его за собой.

— Давай прямо здесь, — распорядился Юрец. Она слегка удивилась, но послушно кивнула и вышла. Потом я не раз замечал в ней эту покорность. Как будто он был главнее в их паре, и она это признавала.

Она вернулась с баллончиком, вставленным в пластмассовый ингалятор. Юрец сделал выдох, обхватил ингалятор ртом и, пуча глаза, начал делать вдох, а тетя Лена, пока он вдыхал, дважды нажала на баллончик, пшик-пшик. Действовали они слаженно, молча, и вся процедура заняла от силы тридцать секунд.

Когда она вышла, я спросил его:

— Ты больной?

Я знал, что спрашивать об этом нельзя, тем более вот так в лоб, но все же спросил. Возможно, из мести. Из-за его вертолета, который его мало интересует.

— Я не больной, — спокойно сказал Юрец. — Я с другой планеты.

Пробелы кончились. Дни перестали тянуться. Теперь каждый день был как новая серия фантастического кино, я больше не думал про первое сентября и про шоколадные хлопья, про крео-трансформеров и про то, какой бы мне хотелось айфон. Теперь мне каждый день хотелось лишь одного — пойти к Юрцу и слушать про планету Аргентус. С которой он прибыл и на которую он обещал меня взять.

Конечно, сначала я не поверил. Когда он сказал, что его корабль неправильно вошел в атмосферу Земли и потерпел крушение во время жесткой посадки и весь экипаж погиб, все погибли, кроме него. И что тетя Лена нашла его, тогда еще пятилетнего, в лесу рядом с дачей, погибавшего в непривычных био-, метео- и гравитационных условиях, и, по счастью, она оказалась медиком, и, по счастью, у нее оказалось доброе сердце и она взяла его к себе и стала любить как родного, и она подобрала ему поддерживающую терапию с учетом условий Земли...

Сначала не верил — по крайней мере, не вполне верил, мне просто нравилось его слушать. Но чем больше Юрец говорил, тем правдоподобнее и логичнее звучали его слова и тем реальнее становился Аргентус, планета серебристых камней, и тем лучше я видел, что Юрец действительно не землянин.

А доказательства? Их было довольно много. Реальных, медицинских доказательств. Юрец говорил, что его

организм не усваивает местную пищу, что у него иная кишечная микрофлора. И он действительно принимал специальные порошки с живыми бактериями, он их вытряхивал из пакетика в стакан, заливал водой и глотал. И он действительно сидел на диете. Он говорил, что на Аргентусе содержание кислорода в три раза выше, чем у нас на Земле, что здесь ему трудно дышать. И тетя Лена действительно делала ему ингаляции, утром и вечером, для восполнения недостающего кислорода. И ему правда, даже несмотря на ингаляции, бывало трудно дышать, я несколько раз это видел. Во время приступов у него синела кожа вокруг рта и он выталкивал из себя воздух со свистом. Тогда тетя Лена прибегала с баллончиком и делала ему два дополнительных пшика. Он говорил, что на Аргентусе очень слабая гравитация. Поэтому здесь у него болезнь притяжения, его буквально тянет к Земле. И он действительно двигался как будто бы через воду, и у него даже была инвалидная коляска с колесиками — на случай обострения гравитационной болезни. А там, на Аргентусе, рассказывал он, все животные — даже те, у кого нет крыльев, — могут немножко летать...

— И ты летал? — спросил я его однажды.

— Да, я летал, — сказал Юрец, погрузнев. — Мне до сих пор иногда снится, что я летаю. Я просыпаюсь — и... вот я снова здесь. На Земле.

— Мне тоже снится, что я летаю, — признался я. — Приятное ощущение.

Юрец сощурил свои неземные, перевернутые глаза и долго молча меня изучал. Как тогда, когда мы встретились в первый раз. Потом сказал:

— Опиши подробнее, как ты летаешь.

Я описал как мог. Юрец кивнул:

— Возможно, ты нам подходишь.

— Подхожу... для чего?!

— Скоро узнаешь, — сказал Юрец.

Он по-прежнему встречал и провожал меня рукопожатием, но я больше не мыл после него руки. Уродство, как оказалось, перестает быть уродством, когда объясняется инопланетным происхождением, и мое отвращение довольно быстро превратилось в восхищение тем, как он круто справляется в чужих для себя био-, метео- и гравитационных условиях.

Однажды вечером, когда я вернулся домой от Юрца, мама сделала психологический взгляд и спросила:

— Что ты можешь сказать о Юре?

Мне почему-то захотелось сказать ей правду, и я ответил — не рассчитывая, что она мне поверит:

— Он с другой планеты.

Ее реакция меня удивила. Она кивнула, очень серьезно, в знак моей правоты. И прошептала:

— Да, он как будто с другой планеты.

Сейчас мне кажется, что именно эти ее слова окончательно укрепили меня в моей вере в Аргентус. Уж если мама, которая закончила курсы психологов, считает, что Юрец не похож на землянина... А впрочем, ей просто могла рассказать тетя Лена. Что только лишний раз подтверждало: Юрец — аргентянин.

— ...И мы, обычные люди, — у нее дрогнул голос, — должны хорошо принять его в нашем мире, правда?

— Правда.

— Ты молодец, Андрюша.

Она обняла меня, но я вывернулся. Не люблю, когда меня тискают. И я не понял, что она имела в виду и за что меня похвалила. Какой дурак будет плохо принимать инопланетянина с планеты Аргентус?

Юрец увлекался биоинженерией. Поэтому, во-первых, у себя в комнате на подоконнике он выращивал растения из косточек и семян, причем с прекрасным результатом — у него взошли помидор, перец, лимон, мушмула и финик, а во-вторых, занимался выведением улитки из яйца. Яйцо было похоже на небольшую белую бусину, Юрец держал его в кокосовом грунте, в пластиковой баночке из-под сметаны, и ежедневно увлажнял грунт водой. Он говорил, что для его биоинженерии важны именно собственноручно выращенные им, Юрцом, образцы земной флоры и фауны — только в этом случае есть шанс, что ему удастся вступить с ними в контакт и создать хотя бы примитивную, но все-таки Цепь и замкнуть ее. Из растений наиболее перспективными ему представлялись финик и мушмула. Что такое Цепь, Юрец мне не объяснял, он просто упоминал ее время от времени и, кажется, исходил из того, что я, конечно же, в курсе, о чем речь. Сначала я стеснялся обнаружить свою неосведомленность и с умным видом кивал. Но потом, проведя несколько часов в Интернете, но так и не обнаружив сколько-нибудь подходящую «цепь» в нужном контексте (я вводил запросы «флора фауна создать цепь» и «флора фауна контакт за-

мкнуть цепь» и даже «помидор финик мушмула улитка цепь»), я все же спросил его.

— Ты правда не знаешь? — Юрец уставился на меня так, словно я на его глазах превратился в говорящую мушмулу. — Да, ты не знаешь... Вы, земляне, не знаете. То есть всё еще хуже, чем я предполагал. Вы не просто разомкнули Цепь. Вы ее уничтожили. Причем так давно, что сами забыли о том, что она когда-то существовала.

Юрец замолчал, отвернулся и принялся опрыскивать свое ненаглядное яйцо из водяного пистолета. Я смотрел на его перекоsobоченную спину, и мне казалось, что она перекоsobочена как-то осуждающе.

— У нас была миссия, — сказал наконец Юрец, по-прежнему стоя ко мне спиной. — У нашего корабля на Земле. Найти подходящего, обучаемого аборигена и отвезти на Аргентус. Для установления дружественных контактов, но главное — с образовательными целями. Наша цивилизация значительно более развита, чем ваша, и мы хотели по-дружески показать вам, как все должно быть. И вот теперь, когда я...

— И чем это наша цивилизация хуже? — Мое самолюбие было задето.

— У вас нет Цепи. — Юрец повернулся и посмотрел мне в глаза. — Но речь сейчас не об этом. А речь о том, что выполнить миссию теперь могу только я, единственный выживший из команды. Я много думал, анализировал. Ты подходишь. Корабль прибудет за мной через шесть недель, и я готов тебя взять. — Он полуприкрыл свои перевернутые глаза и стал похож

на сову. — Готов ли ты отправиться со мной на Аргентус, планету серебристых камней?

Я ждал этого давно. Наверное, с самого первого дня. Приглашения. Но сейчас, когда Юрец и правда меня позвал, я вдруг почувствовал панику. Как будто паркетные доски в юрцовской комнате стали вдруг неустойчивыми и зашатались под моими ногами. Как будто по спине, вдоль хребта, заскользила целая стая улиток. Шесть недель. Так скоро. Корабль прибудет так скоро.

— Но... это же уже будет учебный год, — проблеял я. — А ехать надолго? Навсегда? Как же мама? А... сколько длится полет?

Обрывки из фантастических книг и фильмов замелькали в моей голове и посыпались друг на друга, как фигурки из тетриса, когда ты уже проигрываешь. Такие перелеты обычно длятся много световых лет. Тебя замораживают, погружают в анабиоз, и ты летишь и не портишься, и ты при этом даже не дышишь. Но потом, когда ты возвращаешься обратно — если ты возвращаешься, — даже нет, еще пока ты летишь туда, на Аргентус, здесь, на Земле, все уже давно изменилось, и твои товарищи из нулевки уже постарели, и твоя мама давно уже умерла (в одиночестве), а может быть, к этому времени Солнце уже взорвалось и Земля погибла...

— Полет недолгий, длится всего три дня, — ответил Юрец и, словно он читал мои мысли, добавил: — Никакого анабиоза. У нас очень развитая цивилизация и техника соответствующая: сверхбыстрые корабли. Далее. По нашим расчетам, на Аргентусе посланец Зем-

ли — то есть ты — пробудет около месяца. Для первого раза это вполне достаточно. Потом, конечно, предполагаются еще стажировки. Я думаю... — он прикрыл глаза и зашевелил губами, что-то подсчитывая, — ...где-то раз в полгода.

Улитки свалились у меня со спины, паркетные доски снова застыли, и я испытал облегчение. Сначала облегчение. А потом, секунд через десять — счастье. Я буду посланцем Земли. Я стану первым, кто побывал на Аргентусе. Моя фотография — в полный рост, в скафандре — будет висеть на стенде при входе в школу...

— Так ты согласен? — спросил Юрец.

И я сказал, что согласен.

Чтобы подготовить меня к первому визиту на Аргентус, Юрец рассказал мне, как там все устроено.

Там все летают — это я уже знал, — потому что гравитация очень низкая. Там нет морей, зато есть множество озер с сияющей серебристой водой, такой густой, что в ней невозможно утонуть. А цвет воды объясняется тем, что дно озер плотно покрыто светящимися серебристыми камнями. На берегах тоже много таких камней. Вообще светящиеся серебристые камни — главное украшение планеты.

На Аргентусе нет такого разнообразия видов, как на Земле. Оно и не нужно. Земное разнообразие, как объяснил мне Юрец, избыточно, каждый новый вид и подвид явно появлялись в попытке воссоздать нормальную Цепь, но в итоге Цепь все равно не получа-

лась, а звеньев становилось все больше, то есть все только усложнялось. Заколдованный круг.

На Аргентусе в этом смысле все просто. Там есть растения — всего один вид растений, — это кустарник с пушистыми серебристо-зеленоватыми листьями и сладкими оранжевыми плодами. Кустарник отдаленно напоминает нашу земную мушмулу. Он плодоносит круглый год. Когда плоды кустарника созревают, они отрываются и из-за низкого притяжения просто летают по воздуху, довольно низко, так что ты можешь в любой момент протянуть руку и взять.

Там есть улитки с серебристыми панцирями. Они отлично присасываются и ползают по земле и камням, но иногда, если им захочется, тоже могут немножко летать.

Там есть грызун — один-единственный вид грызуна, — похож на нашего хомяка, но с белыми птичьими крыльями, причем довольно большими. То есть в целом это некая помесь летучей мыши, хомяка и чайки.

Там есть собаки — что-то вроде собак, они представлены двумя видами. Собака с крыльями и собака без крыльев. У каждого вида есть свои преимущества. Собака без крыльев летает низко, но зато ее проще выгуливать, это животное-компаньон. Собака с крыльями парит высоко, и при определенном навыке ее можно оседлать и использовать в качестве воздушного транспорта.

Сразу же за собаками следует человек — никаких промежуточных видов между этими животными нет.

Юрец — человек, вполне типичный для планеты Аргентус, — в сущности, земляне и аргентяне похожи.

Но, в отличие от Земли, человек на Аргентусе — не «венец творенья». Есть еще один более совершенный вид. Это арги. Высшие существа.

Внешне арги напоминают людей, но они в два раза выше ростом, у них есть дополнительный глаз на затылке, короткий гибкий хвост и крылья. Арги летают — не благодаря низкому притяжению, а самостоятельно, они умеют летать выше всех — выше грызунов и даже выше крылатых собак. Арги сильнее, умнее и добрее людей. На корабле, на котором прибыл Юрец, был один арг — он был, конечно же, капитаном команды, — но он погиб, как и все остальные, во время жесткой посадки...

А Цепь Аргентуса — это очень простая вещь. Растения, самые примитивные организмы планеты, слушают улиток. Юрец необычно использовал слово «слушать», когда объяснял мне про Цепь. Слушать — это как бы и подчиняться, и уважать, и просить совета, и просить защиты. В земном языке нет эквивалента для этого слова, «слушать», по мнению Юрца, просто наиболее близкое. Так вот, кустарники слушают улиток. Улитки слушают грызунов. Грызуны слушают бескрылых собак. Бескрылые собаки слушают крылатых собак. Крылатые собаки слушают человека. Человек слушает аргов. И тут вот — самое интересное. Арги — они слушают растения. Подчиняются, уважают, просят совета и просят защиты. У кустарников. А те у улиток. Это и есть Цепь. Замкнутая Цепь Аргентуса.

И все-таки этот вот фокус с аргами и кустарниками я понял не сразу. Если арги — высшие существа, то как могут слушать какие-то бессмысленные кусты, похожие на мушмулу?

— Они не бессмысленные кусты, — оскорбился Юрец. — Их корни связаны под землей в одну общую сеть. Их корни прорастают даже через серебристые камни. Кустарники — они как нервные окончания планеты.

Соединенные под землей корни меня смутили. Такое было, кажется, в «Аватаре».

— Да, авторы фильма в этом смысле приблизились к пониманию... — снисходительно согласился Юрец. — Но все остальное — полнейший бред.

В тот день, когда из яйца появилась маленькая улитка, Юрец попытался создать короткую замкнутую Цепь в условиях Земли.

Мы вынесли на улицу горшок с мушмулой и банку с улиткой, и я подманил куском колбасы собаку, которая живет в соседнем дворе на помойке. Хомяка нам раздобыть не удалось, но, по замыслу Юрца, короткая Цепь могла бы получиться и без него. Мушмула должна была слушать улитку, улитка — собаку, собака — меня, я — Юрца, потому что он представитель более развитой цивилизации, то есть что-то вроде арга для меня, а Юрец должен был слушать мушмулу.

Но у нас ничего не получилось. Цепь не замкнулась. И, возможно, именно я оказался слабым звеном. Не знаю, слушала ли мушмула улитку, а улитка — собаку, но собака меня, кажется, слушала, а Юрец утвер-

ждал, что слушал мушмулу. А вот я не смог нормально слушать Юрца. Мне было слишком обидно, что он стоит выше, чем я, в цепи эволюции. Мне казалось, что здесь, в условиях Земли, аргом должен был быть как раз я, потому что я уж точно совершеннее Юрца в смысле здоровья, и для поддержания жизни мне не нужны никакие баллончики и таблетки.

Я не сказал об этом Юрцу. Просто сказал, что не услышал его, и все. Юрец ответил:

— Наверное, это потому, что у нас не было хомяка.

Накануне первого сентября Юрец сообщил, что мне пора принести присягу. Клятву верности Аргентусу, которую все живые существа на его планете дают в последний день лета.

— Обычно каждый берет серебристый камень и подходит к ближайшему озеру. Кто хочет, погружается в воду, а кто не хочет, может просто стоять у берега. Там все собираются — люди, и арги, и грызуны, и собаки, и улитки, и прилетают плоды с ближайших кустарников и опускаются на камни. Очень важно касаться серебристого камня, когда произносится клятва.

— Как же я произнесу клятву, если здесь нет ни озера, ни камней?

— Озеро не так важно, — ответил Юрец. — А серебристый камень у меня есть. Один-единственный. Я привез его с Аргентуса, чтобы он напоминал мне о доме.

И он вытащил из-под кровати коробку. Ту самую, которую я видел, когда они переехали. Обернутую в фольгу.

Он долго разворачивал фольгу, стараясь ее не порвать, как будто даже она стала ценностью в результате соприкосновения с коробкой, в которой хранился камень. Потом он медленно открыл коробку. Я ждал, стараясь зачем-то не дышать и не сглатывать. Я ждал, что из коробки польется сияние, но этого не случилось.

— Смотри, — торжественно произнес Юрец. И я заглянул в коробку.

Там был обычный, не серебристый и не светящийся, камень. Серый. Похожий на пляжную гальку.

Юрец увидел разочарование у меня на лице и удивленно спросил:

— Тебе что, не нравится серебристый камень?

Я не знал, что ему ответить. Сам он щурился, как будто в глаза ему бил нестерпимый свет.

— Он... не серебристый. — Мне не хотелось огорчать Юрца, но камень действительно был просто серый.

Юрец взял камень в руку и повертел его, другой рукой прикрывая глаза. Потом положил его в коробку и тихо сказал:

— Я понял. Ты просто не различаешь эту часть спектра.

Он сказал, что мой глаз устроен иначе, чем его, так что некоторые вещи я просто не могу видеть. И что мне остается просто поверить — этот камень серебристый, и он очень ярко сверкает.

И я поверил.

И, держа этот камень в руках, я принес клятву верности планете Аргентус в последний день лета.

Слова были простые:

«Клянусь всегда любить Аргентус и всех живых существ, которые его населяют. Клянусь всегда помогать им в беде. Клянусь быть частью Цепи».

Тетя Лена хотела, чтобы Юрец пошел в мою школу и обязательно в тот же класс, что и я. По возрасту он подходил для первого класса, по умственному развитию — тоже, и директор согласился, даже несмотря на то, что Юрец не ходил в нашу нулевку и «был на инвалидности» (естественно, тетя Лена не стала рассказывать директору про Аргентус и особенности адаптации к земным условиям). У нас хороший директор, и он считает, что «особые дети» должны учиться с обычными. Тетя Лена очень обрадовалась, что Юрца взяли. Она считала, что я помогу ему влиться в коллектив. И моя мама так считала. И я так тоже считал. Более того. В глубине души я верил, что и Юрец, в свою очередь, поможет мне не то чтобы влиться в коллектив — я ведь ходил в нулевку и уже был его частью, — но заслужить уважение, что ли. Я не был изгоем, нет. Но если вообразить, что мужская часть нашего класса — это обезьянья стая, я в этой стае за год нулевки не дослужился до альфа-самца. С гаммы я едва дотянул до беты. Поэтому я возлагал достаточно смелые надежды на дружбу с Юрцом. Было совершенно очевидно, что никто, кроме меня, не приведет в школу собственного подшефного, практически ручного инопланетянина. И никто, кроме меня, не улетит через шесть недель на Аргентус в качестве посланца Земли.

Все пошло не так. С первого же сентября. Когда мы выстроились с букетами на торжественную линейку у школы, а хор из нулевки записал «Первоклассник, первокла-а-а-ассник, у тебя сегодня пра-а-аздник», а мама и тетя Лена зачем-то заплакали, — уже тогда я понял, что что-то идет неправильно. Мы с Юрцом стояли рядом, а Оля Котина и, конечно, все ее девочки на побегушках (она у них считается самой красивой в классе, и все девчонки ей вроде как поклоняются) стояли сзади и хихикали нам в спину. А ребята — например, Леша Семин и Макс Францев, наши альфы, — те вообще ржали в голос, как кони. И даже Петя Грачев, очкарик, несчастная недогамма, который в прошлом году искал моей дружбы, — так вот, даже он принимал участие в общем веселье, беззвучно как-бы-давась-от-как-бы-неудержимого-хохота.

— А новенький — даун, — сказал после линейки Макс Францев.

Юрец в это время отошел к тете Лене, она пшикала его из баллончика.

— Он не даун! — возмутился я.

— Не совсем даун, — осторожно встрял Петя Грачев. — Мой папа врач, я немножко разбираюсь... То есть он, конечно же, с серьезными отклонениями... но я полагаю, что это какой-то другой синдром. — Петя Грачев поправил очки, при этом умудрившись украдкой мне подмигнуть. Он, кажется, считал, что не только набирает себе лишние баллы, но и делает мне некое одолжение, снимая диагноз «даун» и заменяя его чем-то более расплывчатым.

— В любом случае он урод недоразвитый, — констатировала Оля Котина своим специальным «принцессным» голосом. — А Андрей Макаров с ним дружит.

— Вот именно, — поддакнули ее фрейлины.

Я не помню, в какой момент ко мне вернулось то отвращение, которое я испытал к Юрцу в день знакомства. Наверное, не первого сентября, а позже. Я помню, что первого сентября мы еще были вместе. Я пытался объяснить им, откуда прибыл Юрец и почему он так странно ходит, — но они только ржали. Я пытался, правда пытался побороть в себе это вновь возникшее отвращение. Но уродство, как оказалось, снова становится уродством, когда перестает быть инопланетным. Я не сразу потерял веру в то, что Юрец — аргентянин. Но я сразу увидел его чужими глазами. Урод недоразвитый.

Я перестал пожимать ему руку, но я старался вести себя достойно. Я не обижал его, не участвовал в травле, просто соблюдал нейтралитет. У нас хорошая школа и хорошие дети из хороших семей. Поэтому никто никого не бьет, тем более недоразвитых. Так что физически Юрца никогда не трогали. Но они называли его разными обидными кличками. И отказывались сидеть с ним за партой. И передразнивали, как он делает ингаляции из баллончика. И отнимали ручку, или линейку, или учебник, и бегали с его вещами по школе, а он не мог их догнать. И еще они рисовали противную зеленую тварь со щупальцами и слюнями, текущими из рта, и подписывали ее «Юра с другой планеты», и подсовывали ему в рюкзак.

Поначалу я даже заходил к нему в гости после уроков. По старой привычке и потому, что ребята из класса не могли нас увидеть. Но в школе я его избегал. Если он очень просил, я даже соглашался сидеть с ним за одной партой, но старался не смотреть в его сторону. Наверное, поэтому я даже не могу вспомнить, как Юрец реагировал на насмешки. Плакал ли он — или сохранял лицо. Скорее всего, второе. У Юрца ведь было чувство собственного достоинства.

Но я помню, какое у него было лицо в тот день. Они отняли у него серебристый камень с Аргентуса, который их зрение воспринимало как серый. Я понятия не имею, зачем Юрец притащил его в школу, — вероятно, надеялся, что камень его защитит. До прилета его корабля оставалось еще две недели... Они отняли камень и бегали с ним, как обычно, и Юрец, конечно, не мог их догнать и очень пыхтел, а они нарочно иногда поддавались, подпуская Юрца к себе очень близко и протягивая ему камень на раскрытой ладони, а потом, в последний момент, когда он уже протягивал руку, перебрасывали камень кому-то другому. Как обычно, я был в стороне, но в тот раз они захотели и моей крови тоже. Кто-то кинул камень прямо на парту, за которой я тихонько сидел и делал вид, что читаю. Камень стукнулся об парту, и покатился, и ткнулся мне в руку. Серебристый камень, который казался мне серым. Серебристый камень, который я недавно сжимал, принося клятву верности Аргентусу. Машинально я взял его в руку. Он был теплый. Нагретый чужими пальцами.

— Дай мне камень, — хрипло сказал Юрец и пошел ко мне. Он не сомневался, что я отдам. И я действительно собирался отдать. Я протянул ему камень.

— Так я не понял, — сказал Леша Семин. — Макаров, ты с нами — или все-таки с этим уродом?

Юрец был уже близко. Он шел за своим камнем. Доверчиво. С облегчением. И тогда мне вдруг стало страшно. Я испугался, что тоже стану как он. Неприкасаемым. Недоразвитым. Недостойным их уважения.

Юрец мне врал — я постарался себя накрутить. Он врал, что прилетел с планеты Аргентус. На самом деле он просто больной. Недоразвитый. Обманывал меня все это время. Он ниоткуда не прилетел. И никакого Аргентуса нет. И никакой корабль не прибудет в Москву через две недели. Он просто врал. Точно так же, как моя мама врет про отца. Он врал и подло пользовался тем, что я слишком доверчив. Он выдавал обычную гальку за камень с Аргентуса. Да еще и заставлял меня верить в то, что он более совершенный, чем я...

...Я постарался себя накрутить — и у меня получилось. Я подождал, пока Юрец подойдет совсем близко, и кинул камень Оле Котиной, самой красивой девочке в классе.

Юрец застыл. Он молча смотрел на меня своими инопланетными, своими мерзкими перевернутыми глазами, и в них я не увидел обиды. Только огромное удивление.

— Ты же дал клятву верности Аргентусу, — тихо сказал Юрец.

— Ну же, Андрюха, скажи этому дебилу, что никакого Аргентуса нет! — подал голос Францев. — А то он все никак не поймет.

Они уставились на меня. Макс Францев, Петя Грачев, Леша Семин, и Оля Котина, и все ее фрейлины. Весь класс уставился на меня.

И я сказал Юрцу, что никакого Аргентуса нет. Потом Оля Котина отдала ему камень. Простой серый камень. Он был ей совершенно не нужен.

Он больше ни разу не пришел в школу. Они с тетей Леной уехали через неделю. Опять были грузчики, и чехлы, и матрасы, и я чуть-чуть постоял на балконе. На этот раз Юрец не смотрел на меня и на небо, только себе под ноги, а коробки у него не было. Он вышел из подъезда и сразу же залез в грузовик.

Когда они уехали, моя мама протянула мне серый камень. Она сказала, что Юрец просил его мне передать. И что он сказал, у него таких скоро будет много, так что ему не жалко.

— Несчастный больной ребенок, — сказала она. — Он, кажется, очень любил эту гальку.

Потом она попыталась меня обнять, но я вырвался.

Не знаю, рассказал ли Юрец тете Лене, что случилось там, в школе. Но думаю, нет. Потому что, во-первых, Юрец для этого был слишком гордым. А во-вторых, его мама тогда рассказала бы моей маме, и моя мама обязательно заговорила бы психологическим голосом и провела со мной разговор или просто бы наорала.

Не знаю, прилетел ли за Юрцом через неделю корабль и увез ли его на Аргентус. Наверное, нет. Ведь Аргентуса не существует. Сейчас, когда мне уже скоро одиннадцать, я в этом совершенно уверен.

Я потерял серебристый камень — а может быть, просто выбросил. Уже давно. Я даже не помню, как и когда.

Но иногда по ночам мне снится, что я лечу над прекрасной планетой. Я пролетаю сияющие озера и холмы из серебристых камней. Я не машу руками, как птица, просто легонько толкаюсь ими о воздух, и он меня держит. А мимо меня летят крылатые арги, и грызуны, и собаки, и рыжие плоды мушмулы. И мне хорошо, мне так хорошо, что хочется плакать. Но каждый раз я вдруг начинаю падать — и просыпаюсь. И вспоминаю, что нарушил клятву верности этой планете.

И понимаю, что я никогда, никогда там не окажусь.